

Николай Петрович Вагнер

Курилка

Н. П. Вагнер
КУРИЛКА

Жил-был Курилка. Тот самый Курилка, про которого песенка поется:

*Как у нашего Курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька!*

Курилка был из чистой сосновой лучинки с черной головкой.

Раз собралось в большую залу на святки много нарядных детей: девочек в белых и розовых платьицах и мальчиков в хорошеньких курточках и рубашечках. Сели все в кружок, зажгли Курилку, и пошел он переходить из рук в руки. Каждый поскорее передавал Курилку соседу, и все весело пели:

*Жив, жив, Курилка,
Жив, жив, не умер.*

— Видишь, как все боятся, чтоб я не умер! — думал Курилка, — значит, я хороший человек.

И он от удовольствия пускал всем дым в глаза. Но у одного мальчика с большой белой головой он погас.

— Ах, дрянной Курилка, — сказал мальчик, — не мог ты погаснуть у соседа.

Курилка обиделся и как только снова попал к этому мальчику, он опять нарочно уже погас.

— Ну! — сказал мальчик, — гадкий Курилка надоел, будем играть в фанты.

И он бросил Курилку, да так ловко, что тот из залы полетел в гостиную, из гостиной в диванную и там упал в уголок с игрушками.

— Здорово живете, как поживаете! — закричал Курилка, — а я приехал с экстренным поездом прямо из большой залы. Там очень много теперь народу, славное большое освещение, и все это для меня. Там каждый старался поддержать меня в руках, потому что, согласитесь, ведь это большая честь. Все радовались, что я еще не умер, и пели: «жив, жив Курилка». Я очень люблю такое внимание. Меня потчевали яблоками, конфетами, вареньем, но я ничего этого не ел, потому что не хотел, я только курил дорогие, хорошие сигары, — пуф, пуф, пуфф, и все восхищались моим курением.

— Какой там болтун мне спать не дает? — сказала глиняная уточка. — Я целый день свищу, хоть бы вечером мне дали уснуть

немного. Какая-то дрянная лучинка прилетела и шумит, как не знаю что.

— Сударыня! Позвольте вам заметить, что я вовсе не лучинка. Так как вы простая глиняная утка, то и не можете меня оценить. Я никогда не был лучинкою. У меня дедушка был Курилка, бабушка Курилка и сам я настоящий Курилка, граф Курилка. Вот как!

— Послушайте, граф Курилка, — сказала кукла, у ног которой на полу лежал Курилка. — Вы всех нас крепко обязали бы, если б немножко помолчали.

— Ах! мадемуазель! Прошу тысячу извинений, что не заметил вас тотчас же. Но вы просто меня ослепили! Такой прекрасной дамы я еще не видывал. Вы вероятно были в большой зале; там все барышни носили меня на руках, но ни у одной нет такой прекрасной лайковой ручки, как у вас. Я лежу у ваших ног, неужели вы не тронетесь этим и не отдадите мне вашей руки? Вы не смотрите, что на мне нет ботинок. Я обут по моде: ведь у меня ножки тоненьки, душа коротенька. Раз я пошел купить себе ваксы для лайковых сапожек в самый лучший магазин. — «Почем, говорю,

стоит банка лучшей ваксы-стираксы, просите дороже, потому что я сам богач». — «Две копейки с гривной». — «Это дешево.

Отрежьте мне на полтинку одну половинку». — «С большим бы удовольствием, говорят, но у нас теперь нет отрезалок, все вышли»...

Но никто уже не слушал Курилку. Все зажали уши и, кто как мог, крепко спали, а он говорил, говорил, бормотал, бормотал и, наконец, сам заснул.

В полночь все игрушки проснулись, потому что они играют в самих себя только тогда, когда все в доме спят.

— Кукуреку! — закричал картонный петух.

Барабан пробил зорю. Уточка начала пищать. Труба затрубила, и фарфоровый попугай сказал: «Bonjour, рара!» Кошка сказала: «Давайте петь, меня никто не продувал уже третий день и у меня животик засорился»; она начала прыгать и кричать: мя, мя, мя!..

— Ах, это отлично, — вскричал Курилка и вскочил на ноги, — давайте петь! Когда я был в большой зале, там все пели и я лучше всех; я удивительный музыкант и сочинил отлич-

ную песню, которую везде поют на святках! —
И он завизжал самым тонким голосом:

*Жив, жив, Курилка,
Жив, жив, не умер.*

Все зажали уши.

— Будемте лучше танцевать, — сказала кукла, — мой кавалер будет попугай, кошка будет танцевать с петухом, труба с барабаном, а деревянный солдатик с уточкой.

— Танцевать, танцевать! — закричал Курилка, — становитесь скорей, живо, живо! Я сейчас покажу вам удивительный танец. Я танцевал его на кухне перед самым королем, вместе с казачком. Смотрите, нужно только стараться прыгать выше себя, вот как: фить так, вот как, фить так, вот как, вишь ты, ишь ты, — и Курилка до того распрыгался, что сбил с ног сперва волчка, потом уточку, лошадку, трубу и куклу:

— Эй, пан! — закричал тут деревянный солдатик, схватил Курилку за шиворот и так его встряхнул, что из Курилки все занозы выскочили.

— Ой, ой, послушайте, — захныкал Курил-

ка, — господин солдат, ваше благородие, я ведь ничего, я так только, я очень смиренный.

— В бурак его, в пустой бурак! — закричали все, — пускай сидит там до утра.

И отвели Курилку в бурак, посадили и крышкой закрыли. Он там стучал, стучал, стучал, наконец где-то щелку нашел, высунул сквозь нее голову и закричал:

— Эй, вы, вот я, храбрый Курилка! А вы все там господа меледа, чушь, глушь, огородники, сковородники, дрянь, шваль, гниль, плесень, толокно, чепуха, телятина, колбаса, труха, носки, колпаки, пешки!

Но все танцевали, и никто не слушал Курилку, а он бормотал, бормотал, бормотал, вплоть до белого утра.

Когда утром дети подошли к игрушкам, то все они были на своих местах, и даже Курилка лежал у ног куклы, как будто ни в чем не бывало.

— Посмотрите-ка, — сказали дети, — ведь это наш вчерашний Курилка сюда забрался: скажите, пожалуйста, разве здесь твое место! Ах, ты! вон его! — и его выбросили за окно.

— Вот я теперь страдаю за правду и прямо

в Сибирь, — закричал Курилка. Ух, как быстро! и хлоп!

Курилка упал на каменную плиту.

— Ах! — говорил он каменной плите. — Если б вы знали, откуда я приехал, с какой высоты спустился. Я был там, там, в большой зале. У меня было много игрушек: барабан, труба, флейта, уточка, курочка, хорошенькая мадемуазель, которая непременно хотела за меня выйти замуж, глупый попугай, которого я звал: «попка дурак», и дрянной деревянный солдатик: он был страшный буян, но я его укротил, схватил за шиворот, потрянул, трах, и посадил в бурак!

— Послушайте, — сказала плита, — как бы я желала теперь треснуть и провалиться сквозь землю, чтобы только не лежать под вами...

Но тут Курилку подхватила метла, которою мел дворник тротуар, и он слетел с плиты.

— Мети, мети! — закричал он, — я люблю чистоту. Долой весь сор, всякую дрянь, вот как, вот как!

И он прыгал по тротуару вместе с сором до

тех пор, пока не завяз в метле.

— Ну! я теперь поеду верхом на метле, — кричал он, — прощайте! Я поеду прямо в Китай к китайскому императору. Он меня сделает наследником престола.

Но дворник отнес его вместе с метлой в кухню и поставил в углу подле печки.

— Ах! — сказали лучинки, лежавшие на шестке, — посмотрите, ведь это та лучинка, которую взяли от нас вчера наверх. Ах! какая она стала гадкая, обгорелая, грязная, но все-таки она наша родная. Здравствуй, милая сестрица!

— Какая я вам сестрица! — закричал Курилка, — вы кухонная сволочь, дровяное дубье, а я князь, граф, барон Фиш фон Курилкирр. — И Курилка выскочил из метлы и упал на пол подле печки.

— Все здесь так хорошо. Я вернулся в свои владения. Здравствуйте, господин кот Васька. Я вас сделаю своим интендантом, я знаю, у вас глаза так хорошо блестят. Я тоже умею блестеть. Когда я был в большой зале, у меня на голове блестела звезда в туманных облаках...

— Послушайте, — сказал кот, — вы самое бесполезное существо в целом свете. Как бы хорошо было, если бы вас бросили в печку. По крайней мере, вы дали бы хоть немножко тепла.

И желанье кота исполнилось. Кухарка подняла Курилку и бросила в печку.

— Смотрите все! — закричал он, — смотрите!

— Ну! живей за дело! Вы все, глупые дрова! берите с меня пример, вот как надо гореть: трах, пышь, тук, тшик!..

И Курилка сгорел. От него осталась только щепотка золы.

А знаешь ли? Курилки все-таки полезны. Они удобряют землю своим прахом. И если тебе случится когда-нибудь в твоей жизни встретить Курилку, который всем надоедает, постоянно болтает и ничего не делает, то знай, что это не что иное, как ходячая машина для удобрения твоей родной земли. Вот и все.